

I. Восток как судьба

Выбор длиною в жизнь

Для историков, экономистов и наблюдательных иностранцев всегда оставалось загадкой феноменальная огромность России. До сих пор трудно объяснить, как народ, сметенный монгольским нашествием, вытесненный с плодородных черноземов Поднепровья и Причерноморья на бесплодные владимирско-московские суглинки, вместо того чтобы исчезнуть, сумел неожиданно возвыситься и продемонстрировать столь упорную волю к покорению пространства, которой бы позавидовал сам Чингисхан. Причем, в отличие от великих империй прошлого, это пространство не рассыпалось со смертью того или иного завоевателя, и при всех издержках его удавалось обихаживать и укреплять.

Что двигало теми, кто, родившись и возмужав в гармоничных и мирных пределах центрально-русских городов и сёл, делал неожиданный выбор навстречу землеискательству, где платой за возможный успех и богатство должна была становиться разлука с родной землей, причем в большинстве случаев – навсегда? Какими должны быть человеческие цели и помыслы, чтобы оправдать добровольный уход в новый неведомый мир – решение, возможно, более драматичное, чем принятие монашества, поскольку вместо ангельского образа под привычным солнцем уходящий обретал невзгоды и смертельный риск без какой-либо гарантии жизни вечной.

Долгим вечером вологодского северного лета 1787 года, когда, закрывшись туманной пеленой у утопающего в луговом разнотравье горизонта, солнце замедлило свое схождение и продолжало сумеречно освещать землю с той стороны, где зимой стоит полярная звезда, 22-летний тотмич мещанин Иван Кусков твердо решил последовать примеру многих своих земляков и отправиться искать счастья на востоке. Для этого ему надлежало, попрощавшись с родными – скорее всего, что без шансов увидеться вновь, – отправиться по обмелевшей Сухоне в Великий Устюг на подворье купца Шилова, где, по рассказам, снаряжалась очередная экспедиция к восточным пределам империи.

Затерявшиеся в бескрайних лесах Вологодской губернии, Тотма и Устюг в первой четверти XVIII века стали настоящим форпостом восточного землеискательства, продолжавшегося, к моменту

появления на свет Ивана, вот уже без малого двести лет. Самый короткий и относительно безопасный путь за Урал лежал именно через эти города.

В 1725 году из Петербурга через Тотьму проследовала первая камчатская экспедиция В.Беринга, в 1733 – вторая. В санных обозах везли паруса, корабельные снасти, якорные цепи, продовольствие и снаряжение для будущих судовых команд. Следом за отрядами Беринга на восток, за удачей и богатством потянулись многочисленные отряды из местных купцов и посадских людей. В 1747 году тотемский купец Федор Холодилов сумел заработать на промысле калана у Алеутских островов более 228 тысяч рублей – огромную по тем временам сумму (строительство двухъярусного каменного храма, полностью оборудованного для богослужений, стоило в те времена всего около 2 тысяч рублей). Тотемские купцы братья Пановы основали на Тихом океане первый русский коммерческий флот, имевший в своем составе суда “Петр и Павел”, “Евламий”, “Александр Невский”, “Варфоломей и Варнава” и “Георгий”. В тихоокеанских владениях России преуспел бывший тотемский городской голова Арсений Кузнецов, бывший посадский человек тотмич Петр Шишкин составил карту островов Алеутской гряды, подытожившей русские открытия за четверть века. С командами купцов от песчаных берегов мелеющей почти до самого дна Сухоны, что в тысяче верст от ближайшего морского берега, на восток отправлялись сотни мещан и крестьян, превращавшихся в кораблестроителей и моряков, согласных, ради неведомого счастья, терпеть лишения, разлуку и, скорее всего, оставить мир в немыслимой дали от родных могил.

Не договорившись с людьми Шилова, Иван Кусков решил отправиться в путь в одиночку. К холодам дошел до Перми, по зимнему тракту через Екатеринбург добрался до Тобольска. Новая жизнь явно не задавалась, и недавнее решение отправиться на Восток становилось похожим на самоубийственную авантюру без дороги назад. Лишь по прошествии нескольких лет, в 1790 г., находясь в Иркутске, Кусков, случайно встретившись с министром коммерции графом Н.П.Румянцевым, по рекомендации последнего знакомится с богатым каргопольским купцом А.Барановым, только что получившим назначение от руководства Северо-Восточной компании на должность “правителя русской Аляски”. Простой мещанин из вологодской глубинки становится ближайшим помощником фактического русского наместника на недавно открытых землях, представляющего интересы Компании с личным

участием императрицы Екатерины. Через Якутск и порт Охотск, на борту галиона “Три Святителя”, компанейцы отправляются в новые владения на Аляске. В 1799 году, после реорганизации по указу императора Павла I Северо-Восточной компании в Русско-Американскую, ее председатель А.Баранов делает Ивана Кускова своим официальным заместителем. Одну из своих основных задач Кусков видит в закреплении на тихоокеанском побережье к югу от Аляски, территория которой считалась зоной интересов Испанского королевства. В 1812 году отряд под командой И.Кускова высаживается на калифорнийском побережье, в районе теперешнего Сан-Франциско, и основывает крепость – форт Росс. В течение почти 10 лет Иван Александрович был ее бессменным правителем. За счет развернутого вокруг крепости хлебопашества, огородничества и садоводства кормились русские поселения на Аляске. Поселенцы наладили выращивание диковинных для этих мест капусты, хрена, моркови, лука, огурцов, построили кожевенный и кирпичный заводы, судостроительную верфь, кузницу, столярную и слесарную мастерские. Именно здесь сложилась многим известная история любви Кончитты, дочери губернатора близлежащих испанских владений Монтеррея Джозефа Аргуэлло, и молодого камергера Резанова. Именно здесь и наместник сочетался браком с молоденькой дочкой русского переселенца, рожденной алеуткой.

В поход за удачей

В 1822 году престарелый Иван Кусков, сопровождаемый женой, все-таки смог вернуться на родину. Спустя 35 лет Тотьма встретила все теми же невысокими песчаными обрывами берегов, скудными пашнями и покосившимися избами – под контрастным великолепием 19 недавно выстроенных на купеческие деньги церквей. Все храмы имели очертания кораблей – вытянутые с запада на восток в единую линию, одной ширины колокольня, трапезная, храм и алтарь венчались устремленными ввысь барабанами под изящными куполами, а наружные стены украшались романтическими барочными картушами, сплетенными из завитков и кривых. Белоснежные и грациозные храмы-парусники будто бы парили, наполненные ветром, над серой мешаниной огородов, изб и немощеных проселков. Более нигде во всей огромной России не строили подобных церквей.

Умирая в свои неполные 58 лет от перенесенных тягот и многочисленных болезней, Иван Александрович не мог не

задумываться о причинах, побудивших сотни его земляков и его самого проститься с бедной, но столь уютной малой родиной и отправиться навстречу лишениям и неизвестности. Немногие из ушедших на Восток смогли разбогатеть и добиться славы, считаным единицам посчастливилось умереть в родных стенах. Разбросанные по холодным берегам Охотского и Берингова морей, по зеленым холмам Калифорнии, русские могилы были лишь небольшим эпизодом, очередной страницей великого многовекового движения России на Восток. Не с щедрого юга, но из этих северных, почти бесплодных мест отправлялись в путь искатели призрачного счастья. Вернувшиеся назад счастливы дарили родному городу храмы-корабли, до сих пор со смущающим величием и нездешней грациозностью плывущие над застывшей в вековой неизменности окрестной жизнью.

Задумывался ли Иван Кусков о причинах, заставлявших самых энергичных и деятельных сограждан искать приложение своим силам в далеких пределах, а не на столь нуждающейся в них родной земле? Кто знает, может быть, и не были эти суглинки истинной родиной, но лишь временным приютом, остановкой на каком-то долгом, неясном, скрытом от человеческого разума пути? Или призвание свое видели они не в мелких повседневных заботах, аккуратностью исполнения доводимых до совершенства, а в риске и борьбе, которым они готовы отдать все силы? Или в дальних диких странах они пытались воплотить идеал разумной и фундаментально обустроенной жизни – не случайно остатки калифорнийского форта Росс и сегодня поражают основательностью уклада и гармоничной налаженностью быта – по своему содержанию абсолютно русских, но почему-то почти не встречающихся в самой России. Или, быть может, причиной всему подспудное, бессознательное стремление человека к абсолютной свободе – обрести иллюзию которой возможно лишь в процессе ее достижения?

Безусловно, в свои последние месяцы и дни думал Иван Александрович и о более близких и понятных вещах. Прожитая не зря жизнь – достойный повод для душевного мира. Ему и его поколению выпало счастье безмерным усилием воли и сказочным везением в очередной раз раздвинуть границы русской земли и, препоручив их обустройство последователям, счесть свою миссию исполненной. Он вполне мог вспомнить и эпизод с карточным долгом, сделанным в ранней юности и ставшим косвенной причиной его спешного ухода на Восток. Этот долг, столь обременявший его в те годы, он вернул сразу же, как только получил от Баранова первые

несколько вознаграждений от богатых алеутских промыслов. Не будь этого долга – решился бы он столь легко на свой отъезд длиною практически в жизнь? Скорее всего, решился бы не раздумывая, как поступали и еще многие годы будут поступать его земляки.

Внезапной прихотью судьбы, разбросанные по берегам Сухоны и Северной Двины вологодские города начиная с XVI века стали важнейшими торговыми центрами, лежащими на перекрестье дорог из московских земель в Сибирь и на Север, в единственный русский порт Архангельск, через который восемь месяцев в году осуществлялась торговля со странами Западной Европы. Еще в 1553 году в Двинскую губу вошло английское судно, капитан которого Ричард Ченслер, в силу неслыханности самого факта появления здесь, был препровожден ко двору московского царя Ивана IV. Визит к двинским берегам стал результатом навигационной ошибки, поскольку изначально англичане намеревались дойти до устья Оби и самостоятельно укрепиться там. Однако результатом плавания Ченслера стало основание, вместо арктической колонии под британским флагом, первого русского торгового порта. Благо, торговать было чем.

Спустя сто лет почти весь тысячевымпельный военный и торговый флот возвышающейся новой владычицы морей – Англии – был укомплектован парусами из русского льняного полотна и канатами из русской пеньки. Трудно в той же Англии или Голландии сыскать дом, возведенный в XVI – XVIII веках, в котором не было бы деревянных деталей, изготовленных из русского леса. Однако до Петра практически вся русская внешняя торговля пребывала в руках иностранцев. Нельзя сказать, что такая политика была результатом сознательной дискриминации – многочисленные потребители в Европе были бы рады видеть у себя больше дешевых русских товаров, однако торговые гильдии, прочно державшие в своих руках непростой торговый путь с Московским царством, знали толк в монопольной ренте. Стремясь поддерживать хорошие отношения с европейцами, московское правительство охотно шло на предоставление иностранным купцам самых широких прав, да и самим русским купцам не с руки было ходить в малознакомую “европию” – во-первых, не было полноценных кораблей, а главное – в том не имелось жизненной необходимости, поскольку прямо от их порога открывался путь на богатый и неизведанный Восток.

Условной датой начала массивного движения русских в восточную часть Евразии можно считать 1558 год, когда по

ходатайству разбогатевшего на скупке мехов у “заюгорских инородцев” сольвычегодского купца Григория Строганова царь Иван IV (Грозный) подарил ему обширные земли от Камы до Чусовой с правом населять их пришлыми людьми и с двадцатилетним освобождением от всех государственных налогов и повинностей¹. Территория быстро обживалась (все-таки вольность и свобода от тягла для первого поколения переселенцев немало значили), на ней были основаны города Канкор и Кергедан. По причине частых и разорительных набегов местных инородцев, московский царь в 1572 году дозволил Строгановым набрать “казацкое войско и идти войной в зауральский край”. За Уралом, в обширном междуречье Тобола, Иртыша и Туры существовало татарское Сибирское ханство, осколок некогда могучей Золотой Орды. В 1556 году, после покорения Астрахани, оно на короткое время признало власть московского царя, однако спустя считанные месяцы, после переворота, учиненного киргиз-кайсацким ханом Кучумом, с новой силой возобновило набеги на восточные русские окраины, стремясь, помимо банального грабежа, обратить в ислам проживавших там инородцев. Набранное и снаряженное Строгановыми “частное” казацкое войско во главе с атаманами Ермаком Тимофеевичем (настоящее имя – Василий Тимофеевич Аленин²) и Иваном Кольцо, который скрывался в строгановских землях от вынесенного ему в Москве смертного приговора, при эпизодической поддержке регулярных сил пермского воеводы, с попеременным успехом начало вступать в столкновения с присягнувшими Кучуму западносибирскими инородцами и с самими татарами. Недовольный усилившимися ответными набегами “сибирцев”, стареющий Иван Грозный в 1582 году повелел Строгановым “отослать Ермака в Пермь... и не затевать спор с сибирским салтаном” [1]. Однако царский указ пришел слишком поздно: 1 сентября 1582 года отряд Ермака, насчитывавший не более

¹За Уральский хребет русские люди попадали и раньше, в основном в рамках эпизодических торговых предприятий поморского населения. Наиболее древний путь в Сибирь по Печоре и системе её притоков и далее через перевалы северного Урала был известен ещё новгородцам (“чрезкаменный” путь). В первой половине XVI века широко использовался “морской ход” от Белого моря с волоком через полуостров Ямал и далее в Обскую губу. Наконец, после присоединения Пермской земли, на долгие годы основным стал путь по Вишере от Соликамска к Чердыни, далее через “Камень” (Уральский хребет) и по речной системе рек Лозьва – Тавда – Тобол – Иртыш – Обь.

²В последние годы получил распространение ряд версий, согласно которым Ермак – крещеный в католичество еврей Тимоти из гонуэзской колонии в Керчи (Кафе), и даже возможный внучатый племянник Христофора Колумба. Но кем бы в действительности ни был этот человек, он лишь в подходящий момент оказался на гребне объективно набиравшей силу русской экспансии на Восток.

тысячи сабель, поплыл вверх по Чусовой, волоком перетащил струги в р. Тагил и вошел в Тобол, вторгшись тем самым в исконные вотчины сибирского хана. Применяя еще невиданное в тех краях огнестрельное оружие, Ермак быстро и эффектно покорял редкие улусы. Продолжая свой путь вниз по Тоболу, 23 октября отряд оказался перед необходимостью принять бой с поджидавшими его основными силами Кучума. Ермаку приписывают слова: “Куда нам бежать? Уже осень; реки начинают замерзать. Не положим себя ради худой славы. Вспомним обещание, что мы дали честным людям <Строгановым. – *Авт.*> перед Богом. Если мы воротимся, то срам нам будет и преступление слова своего; а если Всемогущий Бог нам поможет, то не оскудеет память наша в этих странах и слава наша велика будет” [2]. Слова Ермака оказались пророческими: несмотря на большие потери, битва была выиграна, и уже 26 октября 1582 года его отряд занял столицу Сибирского ханства Искер (нынешний Тобольск). Отправленный с вестью об этом в Москву атаман Кольцо снискал у умирающего Иоанна IV милость, отмену собственного смертного приговора и щедрые дары. Спустя два года, в августе 1584 года, Ермак с отрядом выдвинулся на осуществление конвоя очередного каравана, шедшего из Бухары и московские земли. Однако на сей раз фортуна изменила покорителю Сибири: татары напали на отдохавший отряд, Ермак, спасаясь, бросился к своему стругу, однако не смог добраться до него, захлебнувшись и утонув под тяжестью брони. Лишившись атамана, вскоре пал и Искер, остатки оборонявшего его отряда спустились по Иртышу в Обь, откуда через приполярный Урал вышли на Печору, к своим. “Таким образом, – писал Костомаров, – Сибирь была покинута и, казалось, все плоды подвига Ермака погибли. Но Ермак сделал свое дело. По следам его двинулась Русь в неизмеримые страны северной Азии, покоряя страну за страной, подчиняя русским царям один... народец за другим, оставляя повсюду следы своего поселения. Еще в Москве не знали о гибели Ермака, как снова послали в Сибирь воеводу Мансурова...” В 1598 году воевода Воейков окончательно упразднил кучумскую династию, на рубеже XVII века землеискатели вышли на рубеж нынешних Томска и Омска и прочно закрепились в арктическом низовье Оби, сделав невозможным основание в этих богатых рыбой и пушниной местах английской колонии. В 1621 году воеводой Дубенским на высоком берегу Енисея был основан Красноярск, в 1631 году атаман Порфирьев, тысячу верст восточней, у начала бурятских (“братских”) земель заложил Братск, в 1632 году Бекетов основал Якутск.

Начиная с 1636 года обосновавшиеся в Восточной Сибири казаки активно ищут славящееся своими золотоносными рудами озеро Ламу – то есть современный Байкал. Первым из русских на берег “славного моря” ступит пятидесятник Курбат в 1643 году. За семь лет до этого некто Елисей Юрьев, не имевший ни служивой должности, ни казачьего звания, с командой в сорок охотников отправился на поиски Байкала вниз по Лене, затем – на восток к берегу нынешнего моря Лаптевых до устья реки Яны, что на полпути к Чукотке. На четырех здесь же построенных кочах, находясь в безумном отдалении от ближайших русских форпостов, смельчаки спустились по Яне и обложили ясаком местные племена, а на обратном пути основали городок Устьянск. Принимая во внимание беспредельность территории, крайнюю малочисленность землеискателей, отсутствие у них карт и навигационных приборов, ограниченность запасов провианта, оружия, пороха и строительного инструмента, которые они могли брать с собой, плюс необходимость длительно – до 7-8 месяцев – зимовать при морозах, достигающих пятидесяти градусов, – подобным подвигам нельзя не поражаться.

При достижении новых земель землеискатели действовали по нехитрой стандартной схеме: объявляли аборигенным племенам о том, что теперь те являются подданными московского царя и посему должны платить оброк – ясак. Очевидно, что в силу семантической сложности первое утверждение вряд ли удавалось на языке жестов довести до понимания аборигенов, со взиманием же ясака было несколько проще. Если ясак уже выплачивался какому-либо более сильному местному племени, то таковой отменялся. Открытое неповиновение наказывалось применением огнестрельного оружия, наводившим на аборигенов первобытный ужас, однако значительно чаще у них забирали аманатов – жен и детей вождей и царьков. Вместе с гарнизонами охотников аманаты оставались жить в острогах, давая начало первым смешанным бракам и, тем самым, уже кровному закреплению русских на новых землях.

При всей своей бесшабашной вольнице, в истории покорения Сибири поражает высочайшая государственная дисциплинированность первопроходцев. Оказавшись за многие тысячи верст от территории, на которую простиралась реальная государственная власть, обладая самым коротким доступом к реальным материальным богатствам вновь открытых территорий, они тем не менее, в абсолютном большинстве своем, не держали мыслей обмануть царя, недособрав ясак или навсегда уйдя в “вольные охотники”. Так, в 1638 году, столкнувшись на реке Янге с

отказом местного племени ламутов заплатить ясак, служилый человек Постник Иванов собственными силами заготовил 240 соболей для отправки в Якутск, а сам двинулся дальше, к бассейну Индигирки. Еще более показательна история знаменитого Ерофея Хабарова-Святицкого. Уроженец вологодского Сольвычегодска, после десяти лет вольных промыслов на Лене он основал в районе нынешнего Усть-Кута первую соляную варницу, первым распахал 28 гектаров целины под выращивание зерна и завел лошадей для перевозки в Якутск государственных грузов. Местный же воевода, увидев под боком процветающий бизнес, вознамерился взять с него вместо положенной десятины... 20% прибыли. За отказ платить лишнее Хабаров был заточен в тюрьму – как нетрудно догадаться, полностью подконтрольную все тому же воеводе. Тем не менее челобитная Хабарова покинула застенки и дошла до столицы, и по прошествии нескольких лет заточения, в 1645 году, узник был освобожден. Спустя восемь лет, стяжав славу первооткрывателя обширных земель по нижнему течению Амура, он жестко схлестнулся с московским дворянином Дмитрием Зиновьевым, посланным с царевой грамотой о награждении Хабарова золотыми червонцами и ружьями с одновременным уведомлением о его, Зиновьева, наместничестве над только что открытыми Хабаровым и его людьми землями. Хабаров собственноручно поколотил дворянина и, пользуясь правом сильнейшего, заставил его покинуть пределы Амура. Против Хабарова сложилась сильная оппозиция, обвинявшая его в "нерадении о пользах казны государевой, закабалении служилых людей, вероломном отношении к туземцам и опустошении всего Амурского края". Имея за своей спиной сотни преданных и хорошо вооруженных людей и обширную богатую территорию, на которой он легко мог провозгласить себя кем угодно, Хабаров, тем не менее, отправился решать спор в Москву. К чести царя Алексея Михайловича, благоразумно отдававшего приоритет целесообразности над принципами формальной законности, конфликт был решен в пользу землепроходца, которого пожаловали в "дети боярские" и отдали "на кормление" несколько деревень.

Необходимо отметить, что на всем многовековом пути русской колонизации Сибири центральная власть придерживалась в высшей степени разумной политики: минимум директивного вмешательства при деятельном обеспечении нужд первопроходцев и поселенцев в оружии, порохе и провианте. Люди самых различных званий и сословий самоорганизовывались в отряды и команды, на свой страх

и риск вторгались в неизведанные земли, укреплялись на них, и лишь после этого там происходило формирование государственных структур. За тысячи верст от родных мест государство рассматривалось как единственная, спасительная опора, как источник справедливости в переполненном превратностями мире.

Вопреки распространенному мнению, погоня за соболями и мифическими золотыми россыпями не были ведущей мотивацией землеискателей. Большая часть открытых ими земель, как мы теперь знаем, если чем и ценна, то только своим нетронутым пространством. Самые обширные из открытых территорий – в междуречье Енисея и Лены, земли на побережье моря Лаптевых и Восточно-Сибирского моря, – за редким исключением весьма бедны полезными ископаемыми, абсолютно непригодны для занятия сельским хозяйством или товарным рыболовством. Касаясь этого аспекта землеосвоения, Костомаров так пишет об экспедиции Семена Дежнева на Чукотку: “Эти удалыцы прошли вверх по Анадыру, пришли на землю анаулов, бились с ними, и хотя сам Дежнев был ранен, но принудили их платить ясак; однако *платить было нечем*, потому что в том краю не было соболей” [3]. К слову, первое золото в Сибири появится лишь спустя почти сто лет, в начале 1714 года³. Так что же являлось движущей силой колонизации? Жажда славы, возможность собственными усилиями изменить свой социальный статус, поиск земли, на которой потомки смогут построить разумное и справедливое общество? Землеискатели жили им одним ведомой мечтой, которую, скорее всего, можно было лишь почувствовать, находясь с ними рядом и творя общее дело. Мы же сегодня обречены, увы, подбирать банальные объяснения типа “бегства от феодалов” или “мотиваций первых отечественных капиталистов”. Возможно, все это и имело место, но только лишь как часть единой жизненной реальности, нераздельной и яркой.

Именно этим счастливым осознанием сотворчества в общем деле можно объяснить ту беспримерную удачливость, которая сопровождала продвижение русских людей на Восток. Выход из любого естественного процесса, нарушение сложившегося баланса всегда имеет результатом высокую вероятность срыва, неудачи,

³С 1714 года золото в небольших количествах начинают получать при переработке серебряносодержащих руд на Нерчинских рудниках; первое собственно золотое месторождение будет открыто на уральской Пышме лишь в 1745 году, а промышленных масштабов национальная золотодобыча в Сибири достигнет лишь после 1814 года.

гибели. Достаточно взять саму жизнь – по формальным законам материального мира, она должна прекратиться в ближайший же момент времени, распасться на молекулы и атомы, поскольку именно такое состояние обеспечивает минимум энергетических затрат... Для того чтобы созидать новую реальность, необходимо не только затратить энергию, но и быть готовым к деструктивным процессам: любой военачальник знает, что необходимое при наступлении минимум двух- и трехкратное превосходство и есть цена деструкции, неизбежных и с математической точностью прогнозируемых потерь.

Однако если взглянуть на историю продвижения русских в Сибири в XVII веке, то поражает как раз практически полное отсутствие эксцессов. Случались кровавые стычки, болезни, гибель от холода – но лишь как эпизоды триумфального покорения одной из самых суровых частей света. Трудно поверить, но практически никто из землепроходцев не заблудился на беспредельных, лишенных дорог и навигации пространствах, не сгинул в полной неизвестности – хотя, по всем объективным предпосылкам, подобных исходов должно было быть большинство. Следовательно, приход русских людей в Сибирь и распространение русского присутствия до самых отдаленных, Богом забытых пределов, не могли не быть результатом органичного и негэнтропийного созидательного процесса, пользующегося Высшим покровительством. Процесса, подобного тому, каким является сама наполненная смыслом жизнь.

На пустынных берегах сибирских рек, в диких урочищах вырастали остроги, поселения и города – в то время как вместимости гужевых обозов, по несколько лет добиравшихся в эти места из европейской России, хватало лишь для доставки запасов пороха, железных деталей плотницких инструментов и церковной утвари. Откуда черпалась энергия, позволявшая небыстро, но основательно и зримо преобразовывать лицо целого континента, преодолевая непреодолимое? Что вновь и вновь поднимало людей с обустроенных мест – убежденность в религиозном смысле своей миссии, стремление к личной свободе, желание начать жизнь с нуля, устроив ее по разумным законам? Мотивации, которыми мы привыкли оперировать сегодня, некорректно применять к людям XVII века, однако бесспорно одно: все они чувствовали свою жизнь – во всех ее невзгодах, взлетах и падениях, трудах и тревогах – как нераздельное целое, как счастливый дар, как работу во имя

обретенного смысла, а не вечный поиск его. Оттого и жили ярко, и умирали легко.

Без малого два столетия спустя, в 1823 году, возлежа на смертном одре в доме своего детства, в старой Тотье, коммерции советник Иван Кусков, основатель и первый комендант форта Росс в Калифорнии, не мог не думать и об удивительном и счастливом устроении собственной судьбы. Как будто бы платой за бесстрашие, трудолюбие и упорство сложился жизненный путь его и его товарищей в целом гармонично и ровно. В жизни Кускова, пожалуй, не было того бесшабашного вызова, который бросали новым землям и морям его предшественники, первые сибирские землепроходцы, его появление и служба на Востоке были вполне мотивированными, решения продуманными и рациональными, он не гнался за иллюзиями, не рисковал сверх меры, обычной для тех времен и мест, к тому же и конечная цель не была ему до конца ясна. Тем не менее все на этом пути делалось им основательно, с тщательностью и убежденностью, не оставлявшими место никаким сомнениям.

Так, после первой лихой землепроходческой волны, слава России на Востоке продолжала прирастать успехами тех, кто в смертный час менее других мог позволять себе задумываться, чем и как оправдать перед Божьим престолом пройденный путь.

И разве кто мог помыслить, что уже в 1870 году форт Росс вместе с Аляской и Алеутскими островами будут проданы “за ненадобностью” Соединенным Штатам, а всего лишь восемьдесят лет спустя, в 1904 году, в сражениях русско-японской войны, беспримерное везение восточной экспансии сменится вереницей досадных, обидных, разрывающих душу потерь и неудач! Будто бы в один миг исчезли, растаяли силы, без малого три с половиной столетия питавшие русские успехи в этой части света. Что произошло: перешла ли Россия заданные где-то свыше естественные границы своего территориального расширения, вторглась ли в некие сакрально закрытые зоны, иссякла ли в высшей точке ее полета человеческая энергия? Что за проклятье легло на страну, что изменилось в сознании целого народа – в результате чего уже на протяжении более чем столетия то явно, то подспудно – но с безусловно нарастающей динамикой, – продолжается процесс ослабления экономических и военных позиций России, размывания границ, положенных столь огромными трудами, потери самого смысла русского присутствия на Востоке?